

Известный цыган-поэт и учитель, а также цыганолог Лекса Мануш (Александр Д. Белугин), родным языком которого был диалект происходящих из Польши, но живущих в восточной Латвии цыган, сделался известным и как специалист в области цыганской диалектологии Латвии. Одной из его главных исследовательских задач в этой области было создание словаря цыганских диалектов Латвии. К сожалению, Лекса Мануш не дожил до выхода в свет этого значительного труда. Он скончался 21 мая 1997 г. в Москве после тяжелой болезни.

Рецензируемый здесь справочник *Čigānu-latviešu-angļu etimoloģiskā vārdnīca* (с 11–134) является первой частью трехязычного словаря, который вышел в свет в 1977 г. при финансовой поддержке Фонда Сороса в рижском издательстве 'Zvaigzne ABC'. В цыганском варианте он озаглавлен *Romano-lotfītko-anglītko etimoloģitko lavengīro līl*, в английском варианте – *Romany-Latvian-English etimological dictionary*. Вторая часть словаря Jānis Neilands, Kārlis Rudevics *Latviešu-čigānu vārdnīca – Lotfītko-romano lavengīro līl – Latvian-Romany dictionary* (с 135–318). Рукопись была отредактирована самим Манушем. Краткая грамматика цыганских диалектов Латвии (с 319–352) завершает словарь.

В вышедшем посмертно словаре обработан словарный состав трех цыганских диалектов, имеющих распространение в Прибалтике. Это два диалекта курземских и латгалских цыган, населяющих восточную и западную Латвию, и диалект видземских цыган Центральной Латвии и Эстонии. Не только богатый лексический материал, но и некоторые фонетико-фонологические и особенно морфологические характеристики позволяют обнаружить определенные связи между вышеназванными цыганскими диалектами Латвии и цыганскими диалектами других европейских стран, ср. звуковую форму *pšal* (с. 105) "брат" и общецыганское *phial* "то же" < др.-инд. *bhīātai*. Однако убедительным доказательством родственных связей с цыганскими диалектами Балкан могут служить некоторые именные и глагольные суффиксы при склонении, спряжении и словообразовании в трех исследуемых диалектах. Например, заимствованные существительные зачастую ассимилируются с помощью суффикса *-os* для

муж р ед ч и *-a* для жен р ед ч [Grammatik 1997: 330–333], так что они принимают цыганское морфотогическое оформление и потом как иноязычные заимствования входят в первоначальную унаследованную общую лексику ср. с одной стороны *biālēnos* (с. 35) муж р 'күзен' < латыш *biālēns* "то же" *golubkos* (с. 59) муж р голубь < рус *голубок* "то же", *praxos* (с. 103) муж р пыль, прах, ср. болг. *прах* "то же" и т.д.; *slugos* (с. 116) муж. р. "слуга", ср. болг. *слуга* и т.д.; *verzakos* (с. 129) муж. р. котомка < нем. *Quersack* и, с другой стороны, *āka* (с. 24) жен. р. "крючок" < латыш. *āķis* "то же", *knija* (с. 78) жен р "палка, дубинка" < польск. *kił* "то же", *īaka* (с. 108) жен. р 'рак', ср. болг. *рак* "то же" и т.д. и *zafja* (с. 131) жен р сок < нем. *Saft*. Глаголы, заимствованные из языков принимающих стран, приспособляются к спряжению исконных глаголов с помощью словообразовательного суффикса *-in-*, ср. *dien-in-av* (с. 49) "служит (в армии)" < латыш *dienet* "то же" (от немецкого глагола *dienen*), но и *služ-in-av* (с. 116) "служить (в армии)", как русск. *служить*, болг. *служба* и т.д., *far-in-av* (с. 57) "ехать" < нем. *fahren* и т.д.

Суффикс существительных *-os* (ср. о распространении суффикса вне цыганского на Балканах [Мануш 1982: 53]) и – особенно убедительно – глагольные производные с помощью суффикса *-in-* являются очевидным признаком наличия общих словообразовательных средств в грамматике трех цыганских диалектов Латвии и диалекта эрлидесских цыган в Софии. Как известно, глагольный суффикс *-in-* является одним из словообразовательных средств невалашских цыганских диалектов на Балканах [Miklosich 1880: 479–480, Gilliat-Smith 1915–1916: 72], который не нашел широкого распространения в Европе. Ср., однако, в диалекте "Roman" бургенландских цыган Австрии "адапционную" морфему *-in-* в глаголах иноязычного происхождения, как например *pis-in-av* писать < сербохорв. *pisati* или *ioas-in-av* путешествовать (глагол заимствован из немецкого *reisen* в диалектном произношении) [Halwachs 1998: 133]. По всей вероятности, в цыганских диалектах Латвии суффикс *-in-* расширил свою функцию в глаголе *lubinav* (с. 83) вести порочную

жизнь", т.к. он присоединился к исконному корню *lubh-*, ср. др.-инд. *lubhyati* "он жадный, алчный", см. прилагательное *lubikano* "испорченный".

В качестве унаследованного суффикса, служащего для образования родительного падежа в цыганском языке, в цыганских диалектах Латвии используется также удлинённая форма *-kīro* для муж. р. ед.ч., *kīri* для жен. р. ед.ч. и *kīre* для мн.ч., ср. *dadesk(ū)o, -i, -e* (с. 46) [Grammatik 1997: 333–334] "отчий, отцовский". Эта удлинённая форма типична для невалашских цыганских диалектов (о ее распространении в цыганских диалектах Европы ср. [Мануш 1978: 29–30; 1982: 53]) и употребляется в цыганских диалектах, описанных А. Паспати, в диалекте эрлидесских цыган в Софии, а также в уже упомянутом австрийском диалекте "Roman" [Paspati 1870: 52; Halwachs 1998: 56]. Словарные статьи в данном словаре наряду с значением лексических единиц дают также сведения об их грамматических свойствах, стилистическую характеристику, а также характеристику относительно времени и места употребления, ср., с одной стороны, устаревшее прилагательное *xarkuno* (с. 63) "медный" и заимствованное слово *xarkuma* "медь" < греч. χαλκωσα или унаследованное, также устаревшее, обозначение родства *džest* (с. 54) "шурин, зять" < др.-инд. *džejṣṭha* старший брат" и, с другой стороны, неологизмы *angillinaj* (с. 25), образованное от наречия *angil* "перед" + *linaj* "лето" и *bisand* (с. 33) "весна", ср. хинди *basant* [< др.-инд. *vasanta*] или *agorjakirav* (с. 22) "оканчивать" – отглагольное сложное слово из *agor* (с. 22) "конец" + *kērav* (в сложных словах: *kirav* (с. 71–72) [Grammatik 1997: 346]) "делать". Даются также указания на грамматические особенности, как например, образование глагольной основы в форме перфекта. Но основной упор словарь делает прежде всего на подробное толкование этимологии искомого фонда языка и заимствований в лексике исследуемых цыганских диалектов Прибалтики.

Лекса Мануш подошел к исследованию этимологии исконной лексики цыганских диалектов в Прибалтике гораздо более творчески, чем другие создатели подобных, ранее вышедших словарей цыганских диалектов Европы, ср., например [Vakerdi 1983] или [Valtonen 1972]. Автор по-новому объясняет основной запас слов цыганского языка. И это касается не только новой транскрипции слов древне- и новоиндийского происхождения, которая сохранена и в

данной рецензии. ср. др.-инд. *jivati* "он живет" (с. 55: *džīv*) > цыг. *dživel* "то же" или хинди *byah* "брак, женитьба" (с. 34: *bjah*) > цыг. *bjav*; см. также др.-инд. *śuci-* "чисто, чистый" (с. 121: *śuci*) > цыг. *šužo*. Новый подход к этимологии цыганского языка заключается и в более новом анализе и более подробном описании первоначальной формы соответственно способа словообразования некоторых слов, которые Р.Л. Тёрнер [Turner 1966] дает под звездочкой (*). Автор стремится представить этимон соответствующего слова с лексемами одинакового происхождения таким образом, чтобы наглядно продемонстрировать его родство не только диахронно, но и с точки зрения лингвистической географии. Так, он проследживает возникновение "доевропейского" основного лексического фонда древнеиндийского происхождения в разных временных эпохах древне-, средне- и новоиндоарийского языков, хотя он и не может дать документальных свидетельств, а приводит лишь реконструированные формы, которые возможны на основе фонетического и морфологического параллельного развития. Вот как он объясняет предполагаемые исконные формы отдельных слов: цыганское прилагательное *terdo* (с. 124) "стоящий" толкуется как первичный Particium perfecti от древнеиндоарийского глагола *sthir-* "быть установленным", звуковая форма которого сравнивается с употребляемым в Финляндии цыганским словом *sterdo* "стоящий". Поэтому сложное слово *terdžovav* "останавливаться" возникло в древнеиндоарийском из (*s*)*terdī-bhū-* и не восходит непосредственно к древнеиндийскому *dharati* "он останавливается" (ср. [Vakerdi 1983: 165; Turner 1966: 6747]). Происхождение заглавного слова *čhungar* (с. 45) "слюна", древнеиндийский этимон которого *thūtkāra* точно не установлен (у Тёрнера [Turner 1966: 6103] он снабжен знаком вопроса), толкуется в словарной статье отглагольного сложения *čhungardav* "плевание" как состоящее из древнеиндоарийских компонентов *kṣīv-kar-dā-/kṣīb-kar-dā-*, где *kṣīv-/kṣīb-* означает "плевать", *kar-* – "делать", а *dā-* – "давать". Следовательно, глагол *pašovav* (с. 97) с вариантом *pašļovav* "то же" в других цыганских диалектах Европы также можно свести к древнеиндоарийскому сложному **pra-śajitī-bhū-*, о котором Лекса Мануш не упоминает (ср. *pašlo* "лежащий", "заснувший"). Такое толкование отличается как с точки зрения диахронии, так и с точки зрения словообразования от толко-

вания у Боретцкого – Игла [Boretzky, Iгла 1994: 211]: *pašol* (цыг. *paše* "близко") и [Там же: 210]: *pašljol* (цыг. *paš* "страница, сторона") или Векерди [Vakerdi 1983: 124–125]: *paš(l)jol* – к др.-инд. *parśvala* "лежащий" [Turner 1966: 8121].

Лекса Мануш подробно рассматривает почти все приведенные в словаре сложные слова, как например, *čamudav* (с. 40) "целовать" < др.-индоар. *čum(b)ī dā-*, с которым можно сравнить в хинди *čumā denā* "то же"; кроме того, сюда же можно отнести сложные глаголы, образованные из сочетаний имен с глаголами *kērav* (в форме *kirav* ср. [Grammatik 1997: 346]) "делать" или *ovav* "становиться". Этот тип глагольных сложений автор сводит к реконструированному либо подтверждаемому свидетельствами сложению, образованному с помощью древнеиндийских глаголов *kr-* "делать" и *bhū-* "становиться". В этой области словосложения показано на многочисленных примерах, что цыганские диалекты Латвии и сегодня сохраняют древнеиндийский способ образования новых глаголов. Это свидетельствует о том, что как в древнеиндийском прилагательном *-a-* в конце основы переходит в *-ī-* перед глагольной частью *-bhavati* или *-karoti*, так и в исследуемых цыганских диалектах окончание *-o-* соответствующего прилагательного перед последующим глагольным компонентом переходит в *-i-*. В качестве убедительного примера можно привести *phurjovav* (с. 107–108) "стареть, становиться старым" от *phuro* "старый" [< др.-инд. *vyddha*] + *ovav* [< др.-инд. *bhavami*], т.е. *phurjovav* < **phuri-ovav*, что соответствует др.-инд. *vyddhī-bhavami*. Однако первый компонент цыганских сложных слов, оканчивающийся на *-i-*, перед *-ovav* может переходить в *-ij-* > *-j-*. Поэтому согласные в именной основе исследуемых Манушем диалектов переходят в сибиллянты, ср. глагол *mačovav* (с. 84) "напиться", который из *mati* [цыг. *mato* "пьяный" < др.-инд. *matta*] + *ovav* перешел в **matij-ovav* (ср. форму перфекта *matijom* "я напился") через **matj-ovav* > **makijovav* – в *mač-ovav* и первично соответствует древнеиндийскому *matti-bhavami*.

В цыганском *mačkirav* (с. 84) "спавать", соответствующем др.-инд. *mattī-karomi*, тоже происходит палатализация согласного в основе прилагательного *mato* перед начальным согласным глагола *kirav*, и это можно проиллюстрировать на параллельной ассимиляции смычных звуков *t* и *d*: такие при-

меры, как вторичная деформация *saškirav* (с. 114) "лечить, делать здоровым" и *pherdžkirav* (с. 107) "наполнять", которые лежат в основе первичных сложений *saščakirav* и *pherdžakirav*, являются доказательством того, что наличествует возможность палатализации смычных *-t-*, *-d-* перед глагольным компонентом *-kirav* в исследуемом типе сложных слов. Глаголы *saščakirav* и *pherdžakirav* возникли из прилагательного *sasto* "здоровый" (с. 113 < др.-инд. *sva-stha*) и Participium perfecti *pherdo* "полный" (<др.-инд. *bharita*) + *kerav* "делать". В цыганском это первичные формы **sastia-kirav* (в слове *sasto* согласные *-st-* полностью ассимилируются) и **pherdia-kirav*, которые, возможно, соответствуют древнеиндийским **sva-sthi(a)-karomi* (с. 114) и **bhariti(a)-karomi* (с. 107), выявленным Л. Манушем. Лекса Мануш при этом не оставляет без внимания тот факт, что чередование звуков *t > k > č* или *d > g > dž* в сочетании с *kirav* может происходить и при других условиях, как например, в глаголах *mačkirav* (с. 84) "спавать" < др.-инд. *mattī-kar* (т.е. цыг. *mato* "пьяный" = др.-инд. *matta*) или *londžkirav* (с. 82) "солить" < др.-инд. *lavaniī kar-* (цыг. *londo* "соленый, посоленный" = др.-инд. *lavānita*): ср. также *murdžkirav* (с. 89) "гасить, смывать, уничтожать" < индо-иран. *murdī-kar* (ср. перс. *murda* "смерть"). Описанное здесь образование глаголов путем словосложения известно уже из диалектов балканских цыган, которые изучал Паспати: ср. образование аналогичных глаголов из исконного языкового материала: *pašlakirav* (с. 97) "укладывать спать", с одной стороны, и *pashlia kerava* [Paspati 1870: 416] "бросать на землю", с другой стороны; и то, и другое можно свести, по Манушу (с. 97), к др.-индоар. **pra-śajiti(a)-kar-*: сюда же относятся такие образования как *kaļovav* (с. 70) "становиться черным" и *kaliovava* [Paspati 1870: 261]. В исследуемых диалектах латвийских цыган существительное тоже может быть сложным словом в сочетании с *ovav*, ср. *lulodžovav* (с. 83) "цвести, расцветать" (ср. цыг. *luludži* "цветок" < греч. λουλούδι).

Этот подробно проанализированный в данном словаре способ образования новых глаголов с помощью *-kirav* и *-ovav* в цыганском языке важен постольку, поскольку он аргументирует возникновение и первоначальную форму глагольных суффиксов *-jar-*, ср. *phagirav* (с. 106) "ломать" < др.-инд. *bhag(na)-(k)ar-* и *-jov-*, которые служат для образования переходных и непереходных

глаголов в цыганских диалектах. Таким образом, Лекса Мануш вносит вклад в понимание и разъяснение свойств и признаков названных суффиксов, структура которых, например, у Боретцкого – Игла [Boretzky, Iglā 1994: 9, 409 и 203, 407] не проанализирована: так, морфема переходных форм рассматривается только в звуковой форме *-ar* и "в отдельных случаях *-ljar-*" (!). Морфема пассива приводится под "основной формой" *-ov-*; вариант *-jov-* (с. 130) авторы, по-видимому, не считают наследием праязыка. Однако иногда Лекса Мануш не связывает непосредственно с др.-индоарийским происхождением звуковые изменения при образовании сложных слов, а указывает на то, что возникновение сложных глаголов относится к более позднему периоду развития, ср. глагольное образование *paṇovav* (с. 97) "становиться белым" < средне-индоар. *paranī-bhū-*, т.к., вероятно, цыг. *parno* "белый" вместе с дардским палура *paṇāru*, тирахи *parana* соответствует др.-инд. прилагательному *pāṇḍu-* (ср. [Turner 1966: 8051]). Таким же образом автор трактует и другие имена, ср. слово *thav* (с. 126) "нить", которое, по мнению автора, имеет соответствия только в новоиндоарийских языках – хинди *dhāṣā* и непали *dhāgo* "то же".

Лекса Мануш достаточно хорошо понимает, что родственные связи между исконным словарным составом и заимствованной и иноязычной лексикой в цыганском языке не легко поддаются изучению и анализу. Но уже исследуя доевропейские заимствования, которые не отличаются от исконных слов, автор в своем словаре дает много интересных доказательств наличия языковых контактов цыган с средне- и новоиндоарийскими языками по пути в Европу. Здесь речь идет прежде всего о подробном описании происхождения, родственных связей и развития отдельных слов цыганского языка. Это особенно отчетливо видно из данных об этимологии таких обозначений как *bibi* (с. 32) "тетя", *dād* (с. 46) "отец" и *daj* (с. 47) "мать", *kak(o)* (с. 70) "дядя" или *salo*, *sali* (с. 113) "зять, невестка". При этом Лекса Мануш указывает на некоторые новые этимоны, которые до сих пор не учитывались при описании цыганских слов. Ср. цыг. *rugim* (с. 106) "луковица" < дравид. тамиль *riṇṇu* или цыг. *ixtav* (и цыг. диал. *xit'av*) (с. 127) "прыгать, подпрыгивать" < груз. *XToma*. Здесь имеется также указание на заимствованное из диалекта бурушаски слово *uṣ* "(денежный) долг" в цыганском под

заглавным словом *uṣlo* (с. 128) "виновный; должен (деньги)", этимон которого можно найти у Боретцкого – Игла [Boretzky, Iglā 1994: 291] в дардском *ush* (ср. [Berger 1959: 34; Kupa, Genzor, Drozdík 1983: 180], которые представляют мнение Бергера о мнимых языковых контактах диалекта бурушаски и цыганского языка во второй половине первого тысячелетия). Кроме того, Лекса Мануш ищет для слова *gādžo* (с. 58) "не цыган" в др.-индоар. другое исходное слово, которое, как считают, возникло путем сложения **gā-dža* и имеет значение "(рожденный) в походе и песнях". По сравнению с распространенной этимологией из др.-инд. *gārhya-* "домашний", пракр. **gajjha* (ср. [Valtonen 1972: 49; Vakerdi 1983: 60–61; Boretzky, Iglā 1994: 94–95]) это объяснение Мануша напоминает народную этимологию. Лекса Мануш проводит рискованную параллель между обозначением праздника Пасхи *Patradžin* (с. 98) в цыганском и "др.-индоар." именем супруги Шивы Дурга – *Pattra-devī* "богиня листвы"; подобным образом он объясняет и слово *arman* (с. 26) "проклятие, богохульство", которое, по мнению автора, связано с ср.-перс. обозначением негативного принципа, *Ahriman*. И то, и другое (*Pattra-devī* и *Ahriman*) представляется, однако, сомнительным с культурно-исторической и языковой точек зрения. Но *dikhlo* (с. 49) "головной платок, косынка" Лекса Мануш рассматривает как субстантивированное *Participium perfecti dūṣṭa* от др.-инд. глагольного корня *dr̥kš-*, к которому восходит цыг. *dikhel* "он видит", приблизительно = др.-инд. **dēkṣati* [Turner 1966: 6507]. Также очевидно, что Лекса Мануш рассматривает обозначение для "варить" – *karavav*, *kēravav* (с. 70, 72), ср. [Маликов 1992: 41] как каузативное изменение значения исконного глагола *kērav* "делать" (таким образом, др.-инд. *karoti* "он делает": *kārayati* "он заставляет делать"), а не как возможное продолжение др.-инд. *kvathati* "варить" [Turner 1966: 3635]; ср. далее [Vakerdi 1983: 90] и [Boretzky-Iglā 1994: 144] под заглавным словом *kiravel*. Новое этимологическое объяснение имеет заглавное слово *mol* (с. 87) "вино, виноград", которое, по мнению Лексы Мануша, не является исконным словом, а заимствовано из таджикского *mol* "то же" и имеет соответствие в персидском *mol*.

Данный словарь содержит также специфический диалектный лексический материал, который обнаруживает некоторые фо-

нетические или морфологические особенности в общеупотребительном языке цыган и поэтому также нуждается в разъяснении. Ср. гл. *bagav* (с. 27) "петь", соответствующий звуковой форме *gabav* (с. 58) с тем же значением, которая возникла путем перестановки согласных $b(a)g > g(a)b$. Хотя оба эти заглавные слова не снабжены никакими этимологическими данными, для лингвиста ясно, что в этом случае речь идет о первичной форме глагола *gabav*, происхождение которого следует искать в общецыганском *giljabav* "петь" [Маликов 1992: 25. Vakerdi 1983: 62; Boretzky, Iglá 1994: 97]. Глагол *gabav* представляет собой в цыганских диалектах Латвии диспалатализованный вариант наряду с формой *zabav* первоначального *giljabav* > **gijabav* > **gjabav* > диспалатализованное *gabav* или ассибиллированное *zabav*, формой, которая употребляется в цыганских диалектах Болгарии и характеризуется переходом $gj > z$. Здесь следует упомянуть также глагол *dolav* (с. 50) "получать", который образует две различные формы перфекта: в диалекте видземских цыган это форма *dolijom* "я получил", которая соответствует общепринятому образцу спряжения *dolinjom* (или *dolijom*) "то же", а курземские цыгане употребляют сокращенную форму перфекта *doldžom* "то же", которая является красноречивым свидетельством существования в их диалекте вторичной перфектной основы *dold-*, восходящей к глагольной основе *-dol-* в настоящем времени. Появление вторичной перфектной основы *dold* в сочетании с цыганским глаголом *lav* "брать", который в форме *dolav*, образованной с помощью славянского предлога *do*, получает новое значение в цыганских диалектах Латвии, характерно и для диалекта эрлидесских цыган в Софии [Костов, im Druck]. Особенный интерес в словообразовании представляет сведение обоих вспомогательных глаголов *aštu* (с. 26) и *sašti* (с. 114) "мочь", которые, помимо этого, имеют фонетические варианты *hašti* (с. 61), *jašti* (с. 68) и *vašti* (с. 128), а также в форме отрицания *našti* (с. 90) "не мочь" к реконструированным др.-индоар. Participle perfecti *ā-śakn*, *sam-śakti* и *na-śakti* от др.-инд. глагола *śaknoti*. Тот факт, что эти различные глаголы в диалектах латвийских цыган являются, по всей вероятности, инфинитивными формами глагола, которые выступают в роли Nomina adjectiva, могут, по-видимому, подтвердить сложные, образованные с помощью *-ovav* "становиться" слова *aštovav* (с.

26), *saštovav* (с. 114) "быть способным на что-л." и *naštovav* (с. 90) "не быть способным" с их исконными формами **ā-śakt(i)-bhū-*, **sam-śakt(i)-bhū-* и **na-śakt(i)-bhū-*, также реконструированными в др.-индоарийском.

В общий словарный состав трех исследуемых цыганских диалектов Латвии входят также европейские слова, лишь некоторые из которых ассимилировались с исконным словарем как заимствования в фонетике, ударении и словоизменении. И в этой области автор стремится на широкой сравнительной базе объяснить и представить родство между соответствующими заимствованными или иностранными словами и словами того же происхождения различных контактирующих языков Южной, Восточной и Центральной Европы. В этом случае речь идет прежде всего о той части лексики цыганских диалектов Европы, которая заимствована из отдельных балканских языков. За исключением небольшого количества слов, заимствованных из новогреческого, которые не отличаются от исконного словаря, эта нестабильная часть словарного запаса состоит из иностранных слов южнославянского происхождения. При этом количество новогреческих и южнославянских заимствований в диалектах латвийских цыган является значительным, в то время как, например, иностранные слова румынского или венгерского происхождения в данном словаре встречаются крайне редко. При описании процесса заимствования Лекса Мануш учитывает историческую непрерывность в пополнении цыганских диалектов Латвии новыми иностранными словами. Поэтому при описании заимствования соответствующего общеславянского слова он исходит не только из его последнего употребления в северо-западной части южнославянского языкового пространства, но обращает внимание на то, что слово уже употребляется на Юго-Востоке Балкан, например, у болгар, и поэтому, возможно, вошло в цыганский язык через посредство болгарского. Например, иностранное слово *pravos* (с. 103) "пыль, пепел, прах" – иностранное слово либо заимствованное из южнославянского, и для его перехода в цыганский решающим является болгарское, сербское и хорватское слово *prah* (*prah*). Редко имеется указание на южнославянское происхождение иностранного слова в цыганском, и ни один язык не дается как посредник, ср. *šalimav* (с. 133) "сочувствовать, жалеть", хотя болгарский глагол *жаля* (в диалектах также *жалим*, как в

сербском) может служить основой для цыганского заимствования. Интересно, что некоторые цыганские слова восходят не только к южнославянским, но и к восточно- и западнославянским первоначальным лексическим формам, см. под заглавным словом *slugos* (с. 116) "слуга", где упоминаются болгарское, сербское, хорватское, русское, польское и другие соответствия. Надо надеяться, это не означает, что цыганские диалекты Латвии используют указанное славянское слово каждый раз снова в зависимости от контактирующего языка. Славянские языки также ярко представлены и в образовании новых глагольных сложений. Так, данный словарь охватывает большое количество цыганских глаголов, образованных с помощью славянских предлогов в качестве приставок, благодаря чему их значение модифицировалось. Например, *pri-phenav* (с. 104) "располагать, расставлять", *do-resav* (с. 51) "получать" или *za-sovav* (с. 132) "засыпать", которое употребляется уже в цыганских диалектах Болгарии и соответствует болгарскому *за-спивам* (*засня*) "то же". Иногда, редко, глаголы в исследуемых диалектах образуются с помощью наречий цыганского происхождения, например, *čhinav pāle* (с. 44) "отвечать" или *dav andre* (с. 47) "входить; начинаться, наступать, происходить".

Что касается калькирования в исследуемых цыганских диалектах Латвии, то здесь показательна форма сложного глагола *ot-kerav* (с. 95) "открывать", образованного с помощью приставки *ot-*: не только славяне [Фасмер III, 1971: 169–170] предполагают переход **ot-voriti > *o-tvoriti*), но и цыгане объясняют возникновение глагола **ot-voriti* как сложное слово, состоящее из **ot-tvoriti*. Такой анализ компонентов представляется убедительным. Болгарский язык также доказывает, что действие "открывать" выражается различными глаголами, образованными с помощью приставки *ot-*, ср. глагол *от-туля* "открывать" и простое слово *туля* "прятать" в противоположность к *за-туля* "закрывать". Таким образом, в цыганских диалектах после деепричастия **ot-tvoriti* (славянский предлог *ot-* и глагол *tvoriti* "делать" = цыг. *kerav*) уже в сербском языковом ареале появился собственный сложный глагол *ot-kerav* "открывать" (ср. [Heinschink 1994: 115; Boretzky, Iglā 1994: 202]). Лекса Мануш сам указывает на то, что иногда в диалектах латвийских цыган приобретение словами нового значения зависит от иноязычных образцов. Он приводит следующий

пример: новое конкретное значение первичного абстрактного образования *stāriben* (с. 117) "тюрьма" от глагола *stārav* "ловить (рыбу)" является калькой, ср. немецкое суффиксальное существительное *Gefängnis*, образованное от глагола *fangen*.

Займствование грамматико-синтаксических особенностей из контактирующего языка можно проиллюстрировать на следующих примерах. Выражение *čhuvav karti* (с. 46) "раскладывать карты (для предсказания будущего)" употребляется так же, как в цыганских диалектах Болгарии; оно имеет соответствие в болгарском *хвърлям карти*. Безличный глагол *naresel* в выражении *te sir narešča vīnos, togi daj Isuskīri rakirła Leske: vīnos nāni lenge* (J II, 3) (с. 90), который в переводе Лютера звучит: "und da es an Wein gebracht, spricht die Mutter Jesu zu Ihm: Sie haben nicht Wein" [и как не доставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них (Евангелие от Иоанна, гл. 2, 3)] также является доказательством того, как в цыганском языке формируются новые значения по образцу других языков: *naresel* напоминает и немецкое безличное "es reicht nicht – недостает", и цыганское *na'resel* "то же" в балканских странах (ср. [Boretzky, Iglā 1994: 10]; *aresel* и [Маликов 1992: 35]: *eresel* = болг. *стмуза*). Выражения *lav [la] romņa* и *lav[la] romņake* (с. 81) "взять (ее) в жены, жениться (на ней)" отражают две фазы развития в управлении глагола *lav*; одна из них первична, ср. в цыганских диалектах Балкан Accusativus duplex в предложениях *lav [la] romnja, lav [les] romes* (уже у Паспати [Paspāti 1870: 330–331, 463] под заглавным словом *romni*), другая была позднее: *lav [la] romņake*.

Не следует удивляться, что в рецензии даются указания на лексические и грамматические совпадения в диалектах латвийских и балканских цыган. Как известно, автор включил в словарь большое количество заимствований новогреческого происхождения (не др.-греч. происхождения, как иногда утверждают, ср. под заглавным словом *klidin* (с. 73) < κλειδί(ov) "ключ") и немало южнославянских, в том числе, болгарских слов. Это позволяет сделать некоторые выводы, например, что слово *magarinav* (с. 84) "подвергнуть кого-л. ритуальному осквернению", возможно, восходит к новогреческому μαγαρίζω "осквернять". Наречие *togi(d)* (с. 124) "тогда" передает болг. диалект *тоги, тогив(а)* "то же" [Геров 1904: 341], ср. ...*togi daj Isuskīri rakirła Leske...* (ср. J II, 3) "...dann sagt du Mutter Jesu

зу Ihm... – то (тогда) Матерь Иисуса говорит Ему...".

Краткий обзор морфологии и словообразования диалектов курземских и видземских цыган Лексы Мануша содержит интересные грамматические особенности (*Īsa latviešu čigānu dialekta grammatika*, с. 319–352). Здесь следует указать на то, что диалекты располагают двумя личными окончаниями глаголов в настоящем времени: краткая форма выполняет не только презентную, но и "конъюнктивную" функцию; полная же форма употребляется для выражения будущего времени [Grammatik 1997: 339]. Поэтому цыганским диалектам Латвии балканское будущее время, аналитически образованное с помощью частицы *ka*, неизвестно (ср. о его возникновении [Мануш 1982: 57]). Поэтому говорится: *romes gībnastir pindžkiresa* (с. 58, под заглавным словом *gīben*) "цыгана узнают по походке". Это выражение можно дословно передать в будущем времени на цыганском диалекте Софии примерно так: *romes phiribnastar ka pendžares [les]*. Если провести параллель между этими двумя выражениями, то обнаружим, кроме этого, что аблатив, который в цыганских диалектах Латвии употребляется у существительного *gībnastir* в тесной связи с глаголом *pindžkiresa*, имеет аналог в цыганских диалектах Балкан.

Данный этимологический словарь, опубликование которого стало возможным благодаря поддержке Фонда Сороса и издательству "Zvaigzne ABC", представляет собой заслуживающий внимания подход к истории и развитию словарного запаса, а также содержательное описание диахронного словообразования в цыганских диалектах Латвии. Однако в рецензируемом здесь справочнике наряду с основным словарным составом, а также европейскими заимствованиями и иностранными словами представлены также некоторые свойства фонетического и морфологического состава в грамматике выше названных цыганских диалектов. Так, приведенные примеры из Евангелия от Иоанна, переведенные на цыганский язык Латвии, из песен, народных афоризмов и фразеологических оборотов способствовали подбору подходящего языкового материала, иллюстрирующего интересные лексические, грамматические или синтаксические особенности диалектов курземских, латгальских и видземских цыган. Всем этим цыгановедение и цыганская лингвистика обязаны неутомимому труду Лексы Мануша (1942–1987), ср.

[Čerenkov 1997: 10–11], очень много сделавшему для изучения европейских цыган и их языка. Лекса Мануш и Пауль Аристэ (1905–1990, ср. [Kykk 1983; Rätsep 1980: 45–46]), два моих добрых незабвенных друга, заслуживают особого признания в области изучения цыганских диалектов в Латвии (с. 8) и в Прибалтике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Геров Н. 1904 – Речник на българский език. Т. V. Пловдив. 1904.
- Маликов Я. 1992 – Цыганско-български речник. София. 1992.
- Мануш Лекса 1978 – К вопросу о категории генитива в индоарийских диалектах Европы ("романи ч'иб") // Исследования по фонологии и грамматике восточных языков. М., 1987.
- Мануш Лекса 1982 – О нескольких инновациях в балкано-цыганском диалекте Молдавии // Лимба ши литература молдовеняскэ. 1982. № 3.
- Рятсен Х. 1980 – Академик Пауль Аристэ. Таллин, 1980.
- Фасмер М. 1971 – Этимологический словарь русского языка // Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. III. М., 1971.
- Berger H. 1959 – Die Burušaski-Lehnwörter in der Zigeunersprache // Indo-Iranian journal. 1959. № 3.
- Boretzky N., Igl B. 1994 – Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch für den südeuropäischen Raum. Mit einer Grammatik der Dialektvarianten. Wiesbaden. 1994.
- Čerenkov L.N. 1997 – [Nachruf ant] Leksa Manuš // Romano Centro [Wien]. 1997. № 18.
- Gilliat-Smith B. 1915–1916 – Report on the Gypsy tribes of North-East Bulgaria // Journal of the Gypsy lore society. New series. IX. Pt. 2. 1915–1916.
- Grammatik 1997 – Īsa latviešu čigānu dialekta gramatika // L. Manušs, J. Neilands, K. Rudevics. Čigānu-latviešu-angļu un latviešu-čigānu vārdnīca. Rīga, 1997.
- Halwachs D.W. 1998 – Amaro vakeripe Roman hi. Texte. Glossar und Grammatik der burgenländischen Romani-Variante. (Klagenfurt / Celovec). 1998.
- Heinschink M.E., Hrsg. 1994 – E romani čhib. Die Sprache der Roma // Roma. Das unbekannt Volk. Schicksal und Kultur / Hrsg. von M.E. Heinschink. U. Hemetek. Wien: Köln: Weimar. 1994.
- Kostov K. [im Druck] – Zur Entstehung sekundärer Stämme im Verbalsystem des Romani im Balkansprachraum im Vergleich zu Entspre-

chungen dieser Spracherscheinung im Altindischen.

Krupa V., Genzor J., Drozdík L. 1983 – Jazyky světa. Bratislava, 1983.

Kukk T. 1983 – Paul Ariste mustlaskeele uurijana // Keel ja kirjandus. 1983. № 8. XXVI.

Miklosich Fr. 1880 – Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas IX–X. Wien, 1880.

Paspatis A. 1870 – Études sur les Tchinghianés ou Bohémiens de l'Empire ottoman. Constantinople, 1870. [Reprint: Osnabrück, 1973].

Turner R.L. 1966 – A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London, 1966.

Vakerdi J. 1983 – A magyarországi cigány nyelvjárások szótára. Pécs (Tanulmányok VII. a cigány gyermekekkel foglalkozó munkacsoport vizsgákataiból. Janus Pannonius Tudományegyetem Tanárképző Kar). 1983.

Valtonen P. 1972 – Suomen mustalaiskielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1972.

К. Костов

Перевела с немецкого *В.Л. Карпова*